

*Свава Яковсдоттир***ОТДАВАТЬ ДРУГ ДРУГУ...**

В комнате, рассматривая в зеркале свое отражение, стояла невеста. Белое свадебное платье так мягко облегло ее тело, что, казалось, обрело чувствительность живой кожи, длинный подол, волнами опадая с бедер и прильнув к лодыжкам, был готов последовать за каждым ее шагом. Высокий лоб и светлые локоны венчала свадебная корона, с игривой щедростью низвергавшая на хрупкие плечи невесты бесчисленные кружева. Весеннее солнце в окне придавало зеркальному отражению голубоватое сияние, и невеста смотрела на саму себя с восхищением. На лице ее отражался детский восторг, подобный восторгу маленькой девочки, разглядывающей в витрине магазина куклу — до того момента, когда желание завладеть игрушкой не поглотит ее... А пока ясный взгляд ее был светел, сознание блуждало где-то в улыбающемся мире: «Ах, как кукла хороша!»

Невеста очнулась от мысленных блужданий и взглянула на часы. Время стремительно летело, уже очень скоро она должна была явиться перед алтарем рядом со своим суженым — мужчиной, попросившим ее руки. И невеста обещала ему ее отдать. Теперь, чтобы сдержать свое обещание, ей нужно было поторопиться — сейчас была последняя возможность это осуществить.

Пробежавшись взглядом по туалетному столику, она убедилась, что все было готово. На одном конце столика расположились чистое полотенце, большой свиток бинта, миска с водой и ватные тампоны в склянке, а другой конец, чтобы предохранить от повреждений, она накрыла пластмассовой салфеткой.

Невеста открыла верхний ящик стола и достала оттуда топор. Поднеся его к свету, задумчиво провела пальцем по лезвию. Затем, положив одну руку на салфетку, другой подняла топор, прицелилась, размахнулась и быстрым сильным движением рубанула себя по запястью.

Она не без гордости осмотрела мастерскую работу собственных рук. Все выглядело очень опрятно, даже на удивление, если учесть, что никогда раньше ей этого делать не приходилось. Топор прошелся прямо по суставу, нервы и сухожилия разрублены ровно поперек, а она как раз больше всего и боялась, что из срезов будут торчать неаккуратные обрывки, приведение которых в порядок займет слишком много времени.

Хорошенько все осмотрев, невеста приступила к обработке ран. Конец культи она обмотала чистым белым бинтом и закрепила его крохотной булабочкой, затем обратилась к лежавшей на столике отрубленной кисти. Влажным ватным тампоном она осторожно вымыла из раны кровавые сгустки, ну а больше ей ничего и не нужно было делать — кисть и раньше была чистой и белой, а теперь, когда все было обработано, она выглядела не менее опрятно, чем когда была частью самой невесты.

Невеста снова открыла ящик стола, но на этот раз достала оттуда белоснежный носовой платочек, обшитый по краям изящной ручной работы кружевами. Залюбовавшись ими, она на мгновение забылась. Кружевное великолепие пленило ее сознание так же, как и собственное зеркальное отражение некоторое время назад. Ажурный рисунок ветвился в таком утонченном узоре, что взгляд терялся в замысловато петляющих зигзагах красоты. Невеста не находила в них ни начала, ни конца — совсем как на морозном стекле, когда она, еще ребенком, часами простаивала, вся погрузившись в белые картины, сплошь покрывавшие оконное стекло так, что за их красотой не видно было мира.

Снова очнувшись и вспомнив о времени, невеста вздохнула и с некоторой неохотой завернула кисть в носовой платочек. На мгновение она озадачилась, как ей держать одновременно и букет, и кисть — ведь теперь у нее была только одна целая рука — но с некоторой сноровкой ей удалось это устроить, и отрубленная кисть скрылась за букетом красных роз. Культю она опустила вниз — белая повязка затерялась в глубоких складках платья. Мимолетный взгляд в зеркало убедил ее, что все было в полнейшем порядке.

После этого она вышла в гостиную к своим родителям. Ее отец, празднично одетый, сидел, ожидая, когда повезут в церковь. Услышав приближение дочери, он поднял глаза и спросил:

— Ты красива, дитя мое?

— Да, папочка, — ответила невеста, разглядывая в его слепых глазах свое отражение. — Я прекрасна.

Ее мать, Мария, тоже не могла ее сейчас увидеть, потому что вперед как раз смотрела голова Марфы¹. Взгляд Марфы был отсутствующим, он пребывал сейчас в другом времени — был устремлен в будущее и сосредоточен на предстоящем свадебном пиршестве: вновь и вновь пересчитывал блюда, тщательно подбирал вина, рассаживал еще не пришедших гостей и предотвращал еще не случившиеся недоразумения. В глазах Марфы отражалось идеальное торжество, взгляд ее был усталым и застывшим — ведь это торжество владело им уже давно.

Невеста поэтому не стала сейчас обращаться к своей матери, она знала, что рано или поздно время Марии наступит. Мать как-то поведала ей, что первое время ей было трудно иметь две головы, они мешали друг дружке, а время от времени даже грубо ругались, особенно, когда хотели обе повернуться вперед в одно и то же время, а это, естественно, было невозможно, да и не нужно — ведь к ним обоим редко обращались одновременно, ну, разве что в каких-нибудь общественных приемных. Однако со временем матери удалось установить над ними контроль — обоим головам было предписано быть довольными наличием одной и единственной шеи. Не было никаких оснований полагать, что сегодня это правило изменится, и невеста поэтому не беспокоилась. Она точно знала, что Мария повернется вперед, как только они войдут в церковь. Именно так и случилось, и взгляд Марии был светел, потому что он был здесь и сейчас — в совершенной гармонии с сиянием свечей, белоснежными лилиями у алтаря и наполнявшими церковный свод могущественными звуками органа.

На картине над алтарем висел Иисус. Когда он увидел Марию, его лицо тоже просветлело — они всегда были рады встречам. Мгновение они читали в глазах друг друга воспоминания той поры, когда оба были свободны поступать по собственному желанию, а затем перевели свои взгляды на невесту и ее белое шествие к алтарю.

Складки платья мягко покачивались у ее бедер, льнули к лодыжкам, следовали за каждым ее шагом. Невеста видела, как в глазах жениха растет и становится все отчетливей ее отражение — то са-

¹ По аналогии с библейским сюжетом о сестрах Марии и Марфе (Евангелие от Луки, 10:38-42) (Прим. переводчика).

мое отражение, которое она видела дома в зеркале, и в автомобиле, в слепых глазах своего отца...

Так подошла она к алтарной балюстраде и остановилась. Началась церемония. Священник спросил, было ли искренним их желание вступить в брак. Этот вопрос они задавали друг другу и раньше, и поэтому им не потребовалось много времени для раздумий — оба ответили утвердительно.

— Тогда в знак брачного согласия, подайте друг другу руки.

Услышав эти слова, невеста отстранила от себя букет, уложила отрубленную кисть на культю и протянула ее жениху. Кружевной платочек развернулся, на нем, ладонью вверх, лежала кисть — пальцы слегка согнуты, как в тот момент, когда упал топор. Когда невеста протянула жениху кисть, она не то чтобы увидела, а скорее почувствовала, как он отступил назад. Было не похоже, что он собирался принять ее руку.

Невесту охватило беспокойство. Запястье было тонкое, он что, думает, что кисть может балансировать там до бесконечности? Да и пульс вдруг бешено заколотился! Ну почему же, почему же он не принимает ее руку? Ведь он же сам ее просил! Она украдкой заглянула в лицо жениха и увидела там такой суровый протест, что у нее в буквальном смысле опустились руки. Укороченная рука повисла сбоку, а отрубленная и вовсе упала на пол и лежала там у ее ног. Невеста в смятении взглянула на священника, священник же, напротив, смотрел на жениха.

— Это... культя, — протянул жених.

— Это... культя, — повторил за ним священник и посмотрел на невесту.

— Культя? — произнесла невеста удивленно, потому что как же можно было отдать руку, чтобы не получилась культя? Она наклонилась, чтобы поднять упавшую кисть, но сделала это скорее из врожденной опрятности, чем из осознания всего здесь происходившего.

А церковные гости уже не в силах были усидеть на своих местах, всем было ясно, что что-то было не так — невеста вдруг принялась подбирать с пола, жених попятился от алтаря... И прежде чем священник сообразил, в чем тут было дело, гости сгрудились у алтарной балюстрады и затараторили все разом.

Лицо священника исказила мѹка: ни в каких богослужебных книгах не описывалось ничего подобного — даже если читать меж-

ду строк. Эта венчальная церемония была уродливой опечаткой в длинном списке его удачных венчальных трудов, осквернением божьего храма! Невеста, видя страдания священника, попыталась исправить ситуацию. Она еще раз, как бы просительно, протянула жениху отрубленную руку. Тот испуганно дернулся и быстрым произвольным движением отмахнулся от руки так, что невеста чуть было снова ее не выронила.

Но на этот раз кисть не упала — в такой тесноте невесте оказалось легче ее удержать, однако, в момент, когда жених, отмахиваясь, стукнул рукой по кисти, из ранки вылетела капелька крови и угодила прямо на тыльную сторону ладони священника. Священник вздрогнул и некоторое время стоял, не в силах оторвать от кровавой кляксы глаз — будто поверженный болью. Однако, вспомнив, где он находится, он взял себя в руки и, авторитетным тоном обратившись к народу, заявил, что сейчас они должны его извинить — ему нужно пойти и помыться.

Когда священник выходил из церкви, там царили молчание и пустота: орган замолчал, свечи потухли. В душе невесты царила не меньшая пустота. Один только ее отец, закрыв слепые глаза, неподвижно сидел на своем месте. Марию же поглотило горе...

В глазах жениха невеста читала упрек, она понимала, что просто спрятать культю было бы недостаточно — она должна была спрятать себя всю. Правильнее всего было бы на этом и закончить.

Она было принялась по новой заворачивать кисть в платочек, как вдруг под сводами пронесся вопль. Невеста содрогнулась: «Боже праведный! Уж не Марфа ли это заговорила в церкви?» А Марфа была крайне взволнована:

— Теперь уже поздно забирать назад руки!

Марфа частенько бывала чем-нибудь встревожена, но сейчас ее охватило самое настоящее отчаяние. У невесты сжалось сердце: что-то она должна была предпринять, как-то спасти все это! И вдруг, как в озарении, она поняла, к какой уловке тут можно было прибегнуть.

Схватив отрубленную руку, она, не медля ни минуты, выскочила из церкви и во весь дух припустила к протезному мастеру. Однако длинное платье мешало ей, при каждом шаге оно путалось у нее в ногах, столбом поднимая вокруг невесты пыль. Да и улица была отвратительной: мятые конфетные обертки, обкусанное раскисшее мороженое, плевки... Здесь едва ли можно было находиться одетой

в свадебное платье. Невеста наклонилась и принялась отрывать низ подола. Это удавалось ей с трудом, у нее был слабый захват одной рукой, а культей — вообще никакого, но вскоре с подолом было покончено. Платье, правда, превратилось в лохмотья, но зато больше не мешалось под ногами.

Запыхавшись, с растрепавшимися волосами, она подбежала к мастерской. Входом туда служила узкая щель в стене дома, и если бы эта щель была еще *уже*, то невесте пришлось бы вылезти из собственной кожи, однако сейчас ей достаточно было лишь сбросить с себя одежду. Выскользнув из платья, она протиснулась внутрь.

Некоторое время, пока ее глаза привыкали к полумраку, она стояла неподвижно. Мало-помалу обстановка вокруг стала проявляться все отчетливей, и ее взору предстали протезы. Привязанные на веревках, они свисали с перекладин, стропил, и со всего потолка: целые ноги, половинки и ступни до лодыжек, руки, кисти, половые члены, языки и туловища — изготовленные так искусно, что напоминали живую плоть. Все пространство было завешено так плотно, что невесте пришлось пригнуться, чтобы пройти вперед, и все же она то и дело натыкалась на протезы, и они пришли в движение. Будто обрадовавшись возможности потянуться, они стукались о ее голову, качались перед ее лицом... Внезапно она очутилась в середине комнаты, на пустом, ничем не завешенном месте — у столярного верстака. Невеста огляделась по сторонам — а где же сам протезный мастер?

В эту минуту протезы в дальнем углу комнаты задвигались, и движение медленно поползло по направлению к ней — он приближался. И вот он появился из всех этих протезов, как кукловод по окончании спектакля, когда он наконец-то отпустил все ниточки, когда ему не нужно больше играть, и он может выйти вперед и показать свое настоящее лицо. Как раз в тот момент, когда он ощутил себя замеченным, на лице его (хоть и всего лишь на мгновение) промелькнуло чувство ожидания и надежды — будто наперекор всем предыдущим, оформившим его лицо, разочарованиям.

В эту минуту она поняла, что ей не потребуется ничего объяснять — сюда являлись только те, кому чего-то недоставало. С торжественной помпезностью она показала ему культю и отрубленную кисть. И протезный мастер тут же приступил к действию — как если бы он был ее собственный ум, без каких-либо возражений или отговорок он нашел нужный протез и закрепил его на культе.

Невеста внимательно осмотрела обе руки. Они были одинаковы, то есть совершенно одинаковы! Ее жених никогда бы не смог отличить протез от самой руки и никогда не смог бы заметить разницу между двумя ее руками — во всяком случае, не в большей степени, чем он смог бы отличить ее правую руку от левой, или левую от правой. Она торжествующе взглянула на мастера.

Но куда же он подевался? Исчез? Да как он посмел! Но тут она снова его заметила. Он стоял в тени, и она приблизилась к нему, в эту тень, из которой ему уже было не ускользнуть. Она прижалась к нему всем телом, а потом еще какое-то время продолжала с силой вжиматься в него, пока наконец не почувствовала, как все ее существо наполнилось его дыханием, пока она совершенно не сломила его сопротивление и уже не ощущала ни души его, ни тела...

Очутившись снова на улице, невеста помешкала лишь для того, чтобы накинуть на себя лежавшие на пороге белые лохмотья, а затем понеслась назад в церковь — туда, где у алтаря ее ожидал жених.

Увидев невесту, жених поспешил ей навстречу и в радостном порыве потянулся к ее руке, чтобы запечатлеть на ней поцелуй. Невеста, угадав его намерение, замерла на полушаге: через мгновение его горячие губы обнаружат безжизненный холодный протез! Ее сердце испуганно заколотилось в груди, кровь заметалась по венам, будто собиралась их разорвать...

Как вдруг невеста ощутила в своем запястье острую режущую боль — всего лишь на мгновение — и вены открылись! И она почувствовала, как с кровью из самых глубин ее сердца в самые кончики пальцев протеза заструилась лукавая радость от так хорошо удавшейся ей хитрости.

Перевод с исландского Натальи ДЕМИДОВОЙ